

УДК: 327. (73)

И. Д. Дудко

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПЛАТФОРМА ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ОРИЕНТИРОВ США В УСЛОВИЯХ ПОСТБИПОЛЯРНОГО МИРА

Анализ идеологических основ внешнеполитической деятельности США в условиях постбиполярного мира не может не вызывать научного и практического интереса в плане исследования характера и направленности внешней политики данной державы. Так, разработки американской политической науки традиционно рассматриваются в качестве стабильной и при этом одной из определяющих составных частей процесса формирования внешней политики Соединенных Штатов. Значимость данной составной обуславливается фактором непосредственного влияния политической науки США на структуру и направленность формирования на политическом уровне национальных интересов американского государства, причинно-следственными связями этих интересов с конкретно-политической практикой администрации США на мировой арене.

Отметим, что проблема идеологической платформы внешнеполитических ориентиров США в условиях постбиполярного мира не нашла до настоящего времени освещения в украинской американистике. С другой стороны, в американской политической науке накоплено значительное количество работ, ориентированных на анализ идеологических основ внешней политики США. Данное положение предполагает не только необходимость обобщения имеющихся исследований теоретиков внешней политики США, но и введение их в качестве источниковой базы в украинскую политическую науку.

Исходя из степени разработки рассматриваемой темы, автор статьи выдвигает в качестве объекта исследования следующие проблемы: определить наиболее характерные подходы американской политической науки при освещении идеологических основ внешней политики США после окончания холодной войны; проанализировать содержание и политическую направленность имеющихся подходов, выявить новейшее и традиционное в разработках американских аналитиков в отношении идеологических ориентиров внешней политики Соединенных Штатов.

Так, что касается внешней политики США периода биполярного мира, то в наиболее общих подходах она базировалась на своеобразном переплетении двух идеологических формирований: во-первых, глобально-гегемонистской идеологии, которая получила в самих Соединенных Штатах классификацию «имперской», во-вторых, идеологии сдерживания, или противостояния коммунизму. Причем, если

последняя обуславливалась на определенном этапе существованием двух супердержав, как и двух общественно-политических систем, первая из двух отмеченных отображала характерный для США тип поведения на мировой арене, предопределенный как традициями, так и идейными основами, формировавшимися на протяжении всей американской истории.

Главным политическим истоком «имперской» идеологии считается традиционная для США уверенность в особой «миссии» американской нации в мире – тенденция, которая стала определяющей как для правящих кругов, так и для широких слоев общества на протяжении всей истории страны.

Именно на подобных позициях была сформирована доктрина «явного предназначения», которая, будучи дополненной после второй мировой войны идеей «американского мира» (Pax-Americana) и, в свою очередь, концепцией «сдерживания коммунизма», определила гегемонистские ориентации страны на мировой арене [1, с. 95-120].

Геополитические изменения начала 1990-х годов, связанные с крахом коммунистической системы и распадом Советского Союза, выявили необходимость пересмотра доктринальных основ внешней политики США. Причем активность американской политической мысли определяла себя в этом отношении как посредством модернизации уже утвердившихся мнений, так и появлением попыток формирования новейших представлений о внешнеполитических ориентациях страны.

Так, если подойти к анализу последнего с учетом позиции американского исследователя Дж. Чейса, наиболее обоснованно в условиях формирования постбиполярного мира выступили три подхода, которые, учитывая новейшие вызовы международных отношений, и прежде всего в отношении национальной безопасности США, базировались в значительной степени на традиционных представлениях американской политической науки. Это – так называемый «неоизоляционистский» подход, представители которого предполагали возможность формирования внешней политики Соединенных Штатов в новейших условиях с учетом прежде всего внутренних потребностей и интересов американского общества; подход «триумфалистов», который, учитывая приобретение Соединенными Штатами статуса единой супердержавы мира, воспринимали в качестве объективного фактора осуществление США функции «глобальной движущей силы» с неограниченными полномочиями одностороннего интервенционизма; и третий подход «нового мирового порядка» как официальной позиции Дж. Буша-старшего, при которой ведущим принципом международных отношений провозглашался закон совместно со «взаимной ответственностью наций за свободу и справедливость...» [2, р. 7-8].

Каждый из этих подходов очерчивал национальные интересы Соединенных Штатов с учетом представлений об отсутствии реального политического, экономического, военного противодействия этим интересам как явления, характеризовавшего исторический период биполярных времен. Так, что касается логики неоизоляционистов, то она, в частности, обосновывала необходимость сужения интернационалистских тенденций внешней политики Соединенных

Штатов с учетом определенных экономических трудностей, с которыми американское общество столкнулось в конце 1980-х – начале 90-х годов. Одновременно с этим ограничение интересов Соединенных Штатов сферой западного полушария, как считали неоиоляционисты, должно было способствовать укреплению системы безопасности США как с учетом «отграничения американских интересов от интересов союзников», так и с учетом «сдерживания недружелюбных иностранных держав вне (западного, – И. Д.) полушария при условии применения или угрозы применения силы в одностороннем порядке» [3, р. 38; 4, р. 254; 5, р. 100].

Такие позиции, однако, критически воспринимались большинством теоретиков американской внешней политики постбиополярных времен. Причем, подвергая критике неоиоляционизм как линию внешней политики, его оппоненты принимали во внимание не только фактор масштабных экономических и политических потребностей США, но и невозможность реального изоляционизма Соединенных Штатов при утверждающейся тенденции глобализации мировых экономических, политических, технологических, информационных и т.д. процессов [6, р. 8-9; 7, р. 239-242; 8, р. 380-381; 9, р. 14-17].

Однако, если считать справедливыми выводы оппонентов неоиоляционизма в отношении несоответствия последнего национальным интересам США в условиях постбиополярного мира, какие положения формируют логические рассуждения «триумфалистов», как и сторонников «нового мирового порядка»?

Ведущим и при этом объединяющим элементом разработок представителей обоих указанных идеологических направлений является восприятие интернационализма внешней политики в качестве важнейшей предпосылки реализации национальных интересов США, исходя как из фактора потребностей внутреннего развития американского общества, так и из традиций внешней политики, особого влияния Соединенных Штатов на политические отношения в мире во второй половине XX столетия. Неотъемлемой конструкцией данного подхода является признание ведущей роли США в системе международных отношений как условия достижения американских внешнеполитических целей.

Так, для теоретиков «нового мирового порядка» руководящая роль США в постбиополярном мире рассматривалась через призму сохранения утвердившегося баланса сил, предупреждения негативных для мира и США внешнеполитических тенденций.

Такая позиция находит отражение, например, в исследовании американских аналитиков Р. Такера и Дж. Хендриксона «Имперское искушение. Новый мировой порядок и цель Америки» (1992 г.), где роль США как опекуна стабильности и мира обосновывается как фактором однополярности мира, так и сверхмощным военным потенциалом страны, имеющей возможность при использовании высоких технологий нанести поражение любым вооруженным силам где угодно в мире при наименьших потерях для самих США.

Данное обстоятельство, по мнению указанных аналитиков, не исключает миссии США по утверждению свободы или обеспечению мира, предполагая при этом

использование в качестве средств внешней политики не только дипломатические, но и силовые действия [10, р. 27, 40, 191].

Возможность использования методов силового давления по отношению к другим державам со стороны США в условиях нового мирового порядка признавал и такой автор, как С. Амброуз, включая в перечень этих методов как экономические санкции, так и ограниченные милитарные действия, если возникнет угроза национальным интересам США. Последнее, и прежде всего – обеспечение мировой гегемонии страны, как считает данный теоретик, и будет составлять сущность внешней политики Соединенных Штатов в условиях постбиполярного мира, несмотря на политическую риторику американской администрации в отношении сохранения «сбалансированного мирового устройства» [11, р.378].

Подобное осмысление «нового мирового порядка» дало возможность некоторым исследователям, и в частности указанному выше Дж. Чейсу, квалифицировать политику Дж. Буша-старшего в качестве одной из версий подхода «триумфалистов» [2, р.10-11].

Такая точка зрения имеет право на существование. Однако, в отличие от теоретиков «нового мирового порядка», обосновывавших, ссылаясь на рассуждения С. Амброуза, «селективный интернационализм как быструю массированную интервенцию для защиты действительных национальных интересов» [11, р.378], силовые действия в рассуждениях «триумфалистов» - один из основных методов обустройства мира по американскому образцу.

Считается, что термин «триумфализм» начал утверждаться в американских научных и политических кругах после вооруженной акции 1991 г. США в Персидском заливе, когда одним из сотрудников «Foreign Affairs» Ч. Краутхаммером была высказана идея об однополярности мира (или, по крайней мере, однополярном моменте в развитии мира), якобы дающем Соединенным Штатам право утверждать свои законы международного порядка, не исключая использования силы вплоть до «здорового и требовательного интервенционизма» [2, р. 10].

С середины 1990-х годов такие идеи начинают формировать официальные позиции американской администрации, являясь своеобразным отображением достаточно сформулированной к этому времени концепции неограниченного гегемонизма США.

Речь идет о совокупности идей, направленных как на общее осмысление ориентаций на осуществление мирового лидерства со стороны Соединенных Штатов, так и на разработку тех подходов, которые должны обеспечить это лидерство в системе мировых экономических, политических, межгосударственных отношений.

Показательной в этом плане можно считать работу американского политолога З. Хализада «От сдерживания до глобального лидерства. Америка и мир после холодной войны» (1995 г.), которая определенным образом обобщила взгляды сторонников гегемонизма на перспективы внешней политики США середины 1990-х годов.

«Глобальное лидерство США в противовес возрастанию другой глобальной

державы или возвращению к многополюсности как неопределенного будущего является наилучшим руководящим принципом или видением (мира, – И. Д.), – отмечает относительно американской внешнеполитической перспективы З. Хализад. – ...Такой мир будет иметь больше шансов на решение объединенными усилиями его главных проблем, таких как распространение ядерного оружия; угроза региональной гегемонии возрождающихся стран; конфликтность. В конечном результате лидерство США будет противостоять возрастанию другого враждебного глобального соперника, поможет Соединенным Штатам и миру упредить еще одну глобальную холодную или горячую войну и другие угрозы, включая ядерный конфликт» [9, р. 21]. И далее: «Линия на сдерживание процесса возрастания враждебного глобального соперника является позитивным руководством для определения того, какие интересы Соединенных Штатов следует считать жизненно важными. Это благоприятная призма для выявления угроз и установления приоритетов в политике США по отношению к разным регионам и державам, милитарным возможностям, модернизации, разведывательным операциям» [9, р. 21].

Достаточно распространенной в этом плане в литературе середины и второй половины 1990-х годов можно считать и тенденцию утверждения за Соединенными Штатами функции не только главной движущей, но и главной полицейской силы мира, правомерной использовать для поддержания статус-кво любые действия, включая и силовые [12, р. 767, 775-779; 13-14].

Возникает вопрос, является ли концепция гегемонизма в тех или иных ее интерпретациях единственным идеологическим основанием для формирования и реализации внешнеполитических ориентиров США в условиях постбиполярного мира?

Анализ современной американской политической литературы дает возможность указывать на достаточную обоснованность и тех подходов, которые подвергают сомнению целесообразность гегемонистских ориентаций Соединенных Штатов, отдавая предпочтение в плане формирования внешнеполитической линии США политике на создание коллективной безопасности и партнерства наций в системе международных отношений.

Согласно позиции Г. Киссинджера, автора известного труда «Дипломатия» (1994 г.), именно паритет межгосударственных отношений, а не гегемонистская линия поведения является наиболее благоприятным подходом для формирования внешней политики США, которые стремятся к защите своих национальных интересов и сохранению ведущей роли в системе международных отношений на рубеже XX-XXI столетий [15, с. 732-763].

Так, «окончание «холодной войны», – отмечает данный автор, – создало ситуацию, которую многочисленные наблюдатели называют «однополюсным» или «моносверхдержавным» миром. Но Соединенные Штаты на деле находятся не в столь блестящем положении, чтобы в одностороннем порядке диктовать глобальную международную деятельность. Америка добилась большего преобладания, чем десять лет назад, но по иронии судьбы сила ее стала более рассредоточенной. Таким образом, способность Америки воспользоваться ею, чтобы изменить облик остального мира, на самом деле уменьшилась» [15, с. 736-737].

Данное положение рассматривается аналитиком через призму вызовов одностороннему доминированию Соединенных Штатов, среди которых – возрастание экономического и военного могущества Европейского Союза и таких азиатский гигантов, как Китай, Япония, Северная Корея; стремление достичь влияния на мировую политику и, в частности, в пределах Западного полушария, стран Центральной и Латинской Америки; геостратегия, по крайней мере в пределах постсоветского пространства, России...

Проблематичность реализации одностороннего доминирования США в мире характеризовала рассуждения и такого известного аналитика, как З. Бжезинский, автора работы «Вне контроля: глобальный беспорядок накануне 21 столетия» (1993 г.), где тезис об уникальной исторической возможности для США расширить свои геополитические влияния в мире после развала Советского Союза сопровождается сомнением в отношении возможности достижения этого как вследствие потенциальности обострения социально-экономических, национальных, территориальных конфликтов в пределах бывшего Советского Союза и регионов, находившихся ранее в пределах его влияний, так и вследствие возможного противодействия США со стороны стран, владеющих оружием массового уничтожения [16, p. 165-166].

Подобные идеи, ставшие особенно актуальными в условиях постбиполярного мира, нашли отражение в той или иной интерпретации в исследованиях и таких авторов, как Р. Х. Хаасс, С. Хантингтон, Дж. Гудби... Особенностью рассуждений данных авторов при этом является то, что формировались они не с позиций предвидения тенденций внешней политики США первых этапов становления постбиполярного мира, а с позиций его реалий конца 1990-х годов.

Так, очевидным для Р. Х. Хаасса, например, стало не только признание абсолютного первенства США в мире в конце XX – начале XXI веков, но и сужение экономического, политического, военного потенциала страны на сдерживание не обусловленной интересами США политики со стороны других держав.

Речь идет о формировании многополюсного мира как о явлении, которое становится реальностью с учетом влияния на международные отношения не только отдельных государств, но и возрастающего числа негосударственных акторов – «от Усамы бен Ладена до Международной Амнистии, Международного криминального суда или Джорджа Сороса» [17, p. 38]. «При таких условиях, - отмечает данный автор, - усилия в отношении отстаивания или расширения гегемонии США потерпят поражение. Такие действия не получат достаточной внутренней поддержки и будут стимулировать международное противодействие, которое, в свою очередь, сделает цену за гегемонию намного более ощутимой, а достижения от нее – мизерными» [17, p. 38].

Последнее, как считает Хаасс, касается всех форм внешнеполитического гегемонизма, включая и те его проявления, которые квалифицируются администрацией США как гуманитарные или добронамеренные [17, p. 45].

К таким выводам приходит и С. Хантингтон, сосредоточивая внимание как на факторе формирования многополюсного мира на рубеже XX-XXI столетий, так и на ограниченности возможностей США самостоятельно регулировать ход мирового

развития, возможное формирование оппозиции со стороны мирового сообщества американскому гегемонизму и т.д. К этому следует добавить и попытки автора очертить более приемлемую для американских национальных интересов внешнеполитическую стратегию, и прежде всего в плане сохранения достигнутого Соединенными Штатами лидерства на рубеже столетий.

«Американцам, во-первых, следует прекратить действовать и выступать таким образом, как будто существует однополярный мир. Его нет, – пишет Хантингтон. – Для того, чтобы развязать любую глобальную проблему, Соединенные Штаты должны сотрудничать по меньшей мере с несколькими великими державами. Односторонние действия и интервенции могут стать причиной провалов во внешней политике.

Во-вторых, американские лидеры должны освободиться от иллюзии в отношении добронамеренного гегемонизма, который якобы базируется на естественном единстве их интересов и ценностей с интересами остального мира. Такого единства нет... Америка – единственная супердержава и, отсюда, ее интересы обязательно будут отличаться от интересов других держав...

В-третьих, если не существует однополярного мира, в интересах США использовать преимущества их позиции как единой супердержавы... для сотрудничества с другими странами с целью решения глобальных проблем на основах, которые будут отвечать американским интересам...» [18, р.47-48].

С позиций поиска путей достижения более сбалансированных международных отношений, а в перспективе – стабильного и демократического мира выступает и такой исследователь, как Дж. Гудби, создавая платформу для дальнейших специальных исследований в данном плане [19, с.301-302, 305,308].

Итак, исследования американской политической науки, ориентированные на критическое осмысление гегемонизма Соединенных Штатов, составляют значительную часть работ по проблемам внешней политики страны в условиях постбиполярного мира. Однако насколько реально они могут повлиять на внешнюю политику США с учетом тенденции на продолжение американской гегемонистски ориентированной политики в начале ХХ столетия?

Следует отметить, что так называемое объективистское направление американской политической мысли, нацеленное против глобально-экспансионистской и глобально-антикоммунистической линии внешней политики, было достаточно ощутимым и в период холодной войны, определяя тенденции на мирное сосуществование разных социально-экономических систем. Эти тенденции определили и соответствующее им направление внешней политики Соединенных Штатов в первой половине 1970-х годов, которое вошло в историю как период разрядки.

Одновременно с этим следует признать не только недолговечность отмеченной тенденции в реальной практике США второй половины ХХ столетия, а и ее обусловленность объективными обстоятельствами – снижением темпов экономического развития, а отсюда и конкурентоспособности США на мировой арене; сужением влияния Соединенных Штатов на мировую политику; достижением военного паритета США и Советского Союза в начале 1970-х годов.

Так, возрастание, например, реального (политического, экономического, военного) противодействия гегемонистски ориентированной внешней политике Соединенных Штатов со стороны мирового сообщества, как можно предположить, будет содействовать возрастанию влияния на внешнеполитические решения американской администрации тех разработок, которые базируются на признании приоритета коллективных интересов в системе современных международных отношений.

В то же время нельзя не признать той специфики отмеченных разработок, что, будучи направленными против откровенного гегемонизма США, они не только не отрицают, а, наоборот, признают необходимость сохранения за Соединенными Штатами лидерства на мировой арене при условии изменения способов поддержки этой позиции – от силовых к преимущественно экономическим или дипломатическим.

Таким образом, несмотря на многоплановость подходов, идею лидерства можно считать ведущей в отношении идеологического обеспечения американских внешнеполитических ориентиров в условиях постбиполярного мира при осязательном превалировании влияния на реальную практику тех ее форм, которые базируются на признании действительности гегемонизма США. Последнее, как можно предположить, обуславливается достаточно высоким, как на сегодня, уровнем эффективности внешней политики Соединенных Штатов как фактора реализации их национальных интересов, и прежде всего в отношении поддержки политического, экономического, военного могущества страны.

Отмеченное приобретает особое значение в плане определения тенденций внешней политики Соединенных Штатов как в ближайшей, так и отдаленной перспективе, с одной стороны, а с другой – выявления международных факторов, которые могут влиять на сдерживание неоглобализма США, и прежде всего в виде проявления силовых действий, направленных против суверенитета, целостности, национальных интересов других держав.

Список литературы

1. Современная внешняя политика США. – М.: Наука, 1984. – 458 с.
2. Chace J. The Consequences of the Peace. The New Internationalism and American Foreign Policy – New York, Oxford: Oxford University Press, 1992. – 221 p.
3. Tonelson A. What Is the National Interest? //The Atlantic. - July 1991.
4. Tonlson A. The End of Internationalism? – New Republic. – 1989. – February 13.
5. Gordon D.M. Do We Need To Be № 1? // Atlantic Monthly. – April 1989.
6. Hunter R.E. Starting at Zero: US Foreign Policy for the 1990-s. //US Foreign Policy After the Cold War /Ed. by Roberts B. – Cambridge, London: MIT Press, 1991. – P. 3-18.
7. Nye J.S.Jr. Bound to Lead. The Changing Nature of American Power. – Cambridge: Basic Books, 1991. – 307 p.
8. Schulzinger R.D. American Diplomacy in the Twentieth Century. – New York, Oxford: Oxford University Press, 1994. – 437 p.

-
9. Khalizad Z.M. From Containment to Global Leadership? America and the World After the Cold War. – Santa Monica: RAND, 1995. – 45p.
 10. Tucker R.W., Hendricson D.C. The Imperial Temptation. The New World Order and America's Purpose. – New York: Council on Foreign Relation Press, 1992. – 228 p.
 11. Ambrose S.E. Rise to Globalism. American Foreign Policy since 1938. – New York: Penguin Books, 1993. – 428 p.
 12. Lafeber W. The American Age United States Foreign Policy at Home and Abroad. – New York, London: W.W. Norton and Company, 1994. – 842 p.
 13. Reisman W.M. Kosovo's Antinomies. //American Journal of International Law. – 1999. – Vol.93. - № 4. – P. 857-862.
 14. Lancaster C. Redesigning Foreign Aid. // Foreign Affairs. – 2000. – Vol. 79. - № 5. – P. 74-88.
 15. Киссинджер Г. Дипломатия. //Пер. с англ. Львова В.Б. – М.: Ладомир, 1997. – 848 с.
 16. Brzezinski Z. Out of Control: Global Turmoil on the Eve of the 21 century. – N.Y.: Collier books, etc., 1993. – 240 p.
 17. Haass R.N. What to Do With American Primacy? //Foreign Affairs. – 1999. – Vol. 78. - № 5. – P. 37-49.
 18. Huntington S.P. The Lonely Superpower. //Foreign Affairs. – 1999. – Vol. 78. - № 2. – P. 35-49.
 19. Гудби Дж. Неразделенная Европа. Новая логика мира в американо-российских отношениях. – М.: Международные отношения, 2000. – 336 с.

Поступило в редакцию 30 мая 2003 г.